

ЛИЧНОСТИ

# Олег Табаков: «Свобода и независимость - дорогого стоят»

*Аргументы и факты - 1999 - Дек. (№ 51) - с. 6*

ТЕАТР Олега Табакова и наша газета - не только ровесники (нам по 20 лет) и соседи (от редакции до "Табакерки" пять минут ходьбы). У нас оказалось еще очень много общего в судьбе и принципах существования. Табаков - настоящий народный артист, игравший и кота Матроскина, и Обломова, а мы - смеем надеяться - делаем народную газету. Да и выпуск каждого номера (тем более - тысячного, юбилейного) - это тоже своего рода спектакль, только еженедельный, в отличие от театральных премьер, которые бывают два-три раза за сезон.

Олег Павлович пришел в "АиФ" в кабинет главного редактора днем, прилетев накануне вечером из Америки, с утра он посмотрел прогон нового спектакля Авангарда Леонтьева у себя в подвале, где расположен театр, но был на удивление свеж и бодр.

Для начала наш главный и Табаков вспомнили, как оба в 70-х выступали в одном и том же заведении - клубе Московского управления КГБ.

О. Т.: - Знаете, самое сильное впечатление, которое я там испытал, - это когда с ужасом увидел, что всех этих людей, все эти лица я на протяжении последних лет десяти регулярно встречал в театрах, в Доме кино, в Доме актера... И я подумал: сколько же всего они про меня знают-то!

Но вообще справедливости ради надо сказать, что, помимо нескольких людей из "верхов", которые помогали нам просто по вере, по дружбе, по нежности душевной, единственной организацией, которая объективно не вредила, а в каком-то смысле даже помогала, был КГБ. А почему? Вот приезжают, скажем, тогдашний председатель Национального собрания Франции, итальянский министр, американский сенатор, министры культуры соцстран - куда их ведут? К нам в подвал и на Таганку. Вот, смотрите, у нас что есть! Думаете, только официальное, идеологизированное искусство? Нет! Правда, конфеты и бутерброды, которые им приносили в чемоданах, "люди в штатском" потом с собой забирали.

- Олег Павлович, мы все время шли параллельным курсом и начинали вместе, и росли, и искали, и стали эконо-

мически независимыми. Независимый журналист или актер - это дорогого стоит.

- Да, да. И вот это раннее стремление к экономической свободе, оно было рождено каким-то предчувствием перемен, ощущением такого гула подземного, что ли: что-то должно измениться. Самостоятельно, благожелательно и заинтересованно отслеживать жизнь и театру, и газете можно было, только став свободными и независимыми. И еще одного мы избежали (это частая

ошибка, заблуждение) - давайте ориентируемся на кого-то. В свое время ориентировались на Екатерину Алексеевну Фурцеву, скажем. Или на помощника генсека. Вот это - нельзя делать.

- Мне еще кажется очень важным, что вы не только великий артист, режиссер, педагог, ректор и прочее. Вы - политик, всегда им были - и в "Современнике", и в своем подвале. Я считаю, что человек искусства, который говорит, что не интересуется политикой, не разбирается в ней, - он и в творчестве ничего великого не создаст.

- Ну говорить-то, что не разбираешься, можно, но... Разбираться надо.

- А как бы вы определили наше время? Невозможное, счастливое, с криком души?..

- Я постараюсь ответить конкретно. Долгое время фантазия моя не простиралась дальше того, что будет реабилитирован Николай Иванович Бухарин. Это был максимум для меня. Но сейчас-то понимаю, что это ничтожно мало на фоне открывшегося пространства! На самом деле наше время - оно потрясающее, во всех смыслах, но главное - в смысле перемен. А способность человека ориентироваться в переменах и самому меняться - это и означает, что он современный. По Достоевскому, безразлично не менять убеждений. Другое дело, что не надо это делать регулярно, коллективно прозревать, или отмежевываться, или каяться. Есть и моральная сторона, опять же по Достоевскому, - есть совесть, "предчувствие доступной человеку истины". А что касается времени... Если ты способен существовать в нем нормально, значит, это твое время.

- Вы все время среди молодежи. И я стараюсь постоянно "омолаживать" творческий состав. Как считаете, молодым-то это время по плечу?

- Я сужу даже не по Пашке своему, ему пока только четыре года, а по ре-



Фото Сергея ИВАНОВА

бяткам своим в театре, а это уже и 20-30-летние - да, по плечу.

- А вам уютно ли, комфортно в этом времени? Внешнее ощущение, что комфортно...

- А вот это совсем другое, это моя профессиональная актерская способность производить впечатление. Если же серьезно, то я существую всю жизнь не благодаря тому, что забота об искусстве в нашем государстве поставлена на высокий уровень, а вопреки - и раньше, и сегодня. Вопреки. Это не значит, что я был диссидентом. Я слишком хорошо знал многих из них и понимал, что человеческий материал там не первого сорта, но они совершали внятные поступки, почти подвиги, и мне было стыдно, потому что я знал про них другое, но не мог этого сказать. Это очень сложно. А сам я... Я просто никогда ничего не подписывал, никаких коллективных писем-осуждений, от спекулянтов валютной, как их тогда называли, до Александра Исаевича Солженицына. Это не героизм, вовсе нет, просто я не мог, и все. А теперь - это к вопросу о комфортности во времени - мне иногда платят большие деньги, для меня по крайней мере большие, за выступление или роль в кино, и, я думаю, платят в том числе и за то, что я чего-то в жизни не делал, а не только за то, что я сделал и делаю.

- А вообще я уверен, что и нам, и вам с театром быть стабильными в наше время труднее, чем орать, жаловаться и биться в истерику.

- Абсолютно точно! Плакать, стенать - этим я брезгую, нехорошо это, стыдно. "Дело надо делать, господа, дело!" Это говорил чеховский персонаж профессор Серебряков, осмеянный, окарикатуренный, но он же прав! Дело надо делать. Это, я уверен, и сам Антон Павлович бы сказал, и он сам всю жизнь и писал, и лечил, и на Сахалин ездил, и школы строил, и сады сажал. А остальное...

Все написал Пастернак: "Быть знаменитым некрасиво", и "поражения от победы ты сам не должен отличать". Мы в молодости читали эти стихи, зачарованные созвучиями и не понимая до конца их смысла.

- И это сейчас говорите вы, сверхзнаменитый, кого узнают повсюду?

- А это далеко не всегда нужно! Нужно, конечно, но бывает, что и лишнее. Однажды я поехал с женщиной, в которую был влюблен, подальше от Москвы, надеясь затеряться в пространстве, и что? Меня узнали в первом же мотеле, и это было настолько опричь души!

- Вы хотели бы, чтобы этого не было?

- Не-е-ет, это ханжество. Это то, что положено мне по жизни, и не нужно делать вид, что это противно, мешает и прочее. Другое дело - не надо придавать этому фатального значения. Вообще для русского человека нет лучшего рецепта, чем Пушкин, который пишет другу, что "с Божьей помощью... Керн", а потом - "Я помню чудное мгновенье". Первое - это есть проза жизни со всем ее счастьем обладания, а второе - полет души. Вот чего не дано америкосам! Мы за Пушкиным как за каменной стеной. У них

были, конечно, и Сэлинджер, и Хемингуэй, но корней таких нету. Они вообще мало защищены любовью, у них сильная недовольства на этот счет. Они с 16 лет уже самостоятельные - иди зарабатывай. И это неплохо. Но они недолюбленные, а я вот любовью бабушек до сих пор живу. И сильнее этой защиты нет. И объем культуры у нас другой, когда понимаешь, что за тобой стоят и Александр Сергеевич, и Антон Павлович, и Федор Михайлович, и Петр Ильич...

- У вас в театре сплошь молодые звезды. Как строите отношения, чтобы они не зазнались?

- А я искренне радуюсь их успехам, для меня нет высшего кайфа, чем удача моих ребят, это правда так. Машков, например, помимо актерства, еще и режиссер посильнее, чем я.

- А ему вы это говорите?

- Нет. В это время в "Современнике" Олег Николаевич Ефремов истреплял в нас все признаки зазнайства, амбиции с настойчивостью садиста, и, когда он как-то меня при всех похвалил, я так напугался, что всерьез думал уйти из театра.

- Меня как главного редактора часто спрашивают: а вы не устали, преемника себе не подыскиваете? Вас наверняка тоже?

- Года три назад я отвечал: да, конечно, подыскиваю. Теперь говорю: нет, пока не увижу, что кто-то способен о других заботиться так же, как о себе.

- А в своем театре вы за какую форму правления?

- Я за монархизм, просвещенный абсолютизм. Я "самодержец", но тот, который "прирастает" талантами других. Вот когда куст стригут, и вдруг на нем одна ветка вымахала на 10 сантиметров, и ее состригают, - тот, кто это делает, - преступник. Я не подстригаю. Пусть растут.

## АФОРИЗМ

Смотрю в зеркало и думаю:  
«Так вот ты какой, человек XXI века!...».

Е. Норкин, Новгородская обл.

155